

УДК 139.316 6

ПРОБЛЕМЫ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПРОТИВОБОРСТВА В ЛОГИКЕ ПСИХОЛОГИИ МЕТАМОДЕРНА

В. В. Собольников

Новосибирский государственный педагогический университет,
Новосибирск, Российская Федерация
e-mail: vsobolnikovis@gmail.com
ORCID: 0000-0002-5880-7283

Аннотация. Представлен анализ феномена «информационно-психологическое противоборство» как направления научных исследований и практической деятельности субъектов в реалиях метамодерна XXI в. Трансформация мирового сообщества, развитие технологий, ИИ, БД, биотехнологий (BEGEN), комплексное их применение в деструктивных целях обнажили новые угрозы. Целью работы явилось теоретическое обоснование феномена «информационно-психологическое противоборство» в логике методологии психологии метамодерна и уточнение концептуальных элементов вероятностной модели отбора технологий. Методология и методика исследования включает системно-деятельностный подход и принципы виртуальности, интерактивности, дигитальности и осцилляции. Сопреженная деятельность в рамках противоборства, стала единым генетическим основанием его развертывания. Общенаучный метод познания включил теоретико-методологический анализ источников, обобщение, анализ, сравнение. Систематизация обеспечила поступление эмпирических и теоретических данных с применением методов дискурсивного и сравнительного анализа. В целях интерпретации парадигмальных текстов извлекались приемы герменевтики, методы психологии метамодерна и политической психологии. В итоге анализа англосаксонской модели противоборства раскрыта сущность, уточнена методология, введена авторская редакция дефиниции. Анализ перспективных технологий, проблем гибридизации противоборства, этапов их развития определил круг вопросов психологической науки по противодействию угрозам и вызовам. Доказательно определены перспективные технологии противоборства и концептуальные элементы вероятностной модели их отбора. В основе находится принцип осцилляции с его механизмом устранения жестких конструкций и внесения концептуального разнообразия посредством гибкого инструментария. В условиях обострения геополитического соперничества является востребованным адекватный анализ и реакция властных структур. Разработка теоретических основ и вывод системы противоборства на новый уровень становятся актуальными и составляют новизну. В заключение определено направление дальнейших научных исследований различных аспектов информационно-психологического противоборства.

Ключевые слова: информационно-психологическое противоборство, угрозы, принципы психологии метамодерна, англосаксонская модель, перспективные технологии, концептуальные предпосылки, вероятностная модель отбора технологий, «Dog Whistle Effect».

Для цитаты: Собольников В. В. Проблемы информационно-психологического противоборства в логике психологии метамодерна // Профессиональное образование в современном мире. 2020. Т. 10, №4. С. 4347–4358. DOI: <https://doi.org/10.20913/2618-7515-2020-4-18>

DOI: 10.20913/2618-7515-2020-4-18

PROBLEMS OF INFORMATION AND PSYCHOLOGICAL ANALYSIS CONFRONTATIONS IN THE LOGIC OF METAMODERN PSYCHOLOGY

Sobolnikov, V. V.

Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation
e-mail: vsobolnikovis@gmail.com
ORCID: 0000-0002-5880-7283

Abstract. *The analysis of the phenomenon of «information-psychological confrontation» as a direction of scientific research and practical activities of subjects in the realities of the metamodern of the XXI century is presented. The transformation of the world community, the development of technologies, AI, databases, biotechnologies (BEGEN), their complex application for destructive purposes have exposed new threats. The aim of the work was the theoretical substantiation of the phenomenon of «information-psychological confrontation» in the logic of the methodology of the psychology of the metamodern, and the refinement of the conceptual elements of the probabilistic model of the selection of technologies. The research methodology and methodology includes a system-activity approach and principles: virtuality, interactivity, digitality and oscillation. Associated activities within the confrontation have become a single genetic basis for its deployment. The general scientific method of cognition, included a theoretical and methodological analysis of sources, generalization, analysis, comparison. Systematization provided the flow of empirical and theoretical data using the methods of discourse and comparative analysis. In order to interpret paradigmatic texts, the techniques of hermeneutics, methods of metamodern psychology and political psychology were extracted. As a result of the analysis of the Anglo-Saxon model of confrontation, the essence is revealed, the methodology is refined, the author's edition of the definition is introduced. Analysis of promising technologies, problems of hybridization of confrontation, stages of their development, have determined the range of issues of psychological science to counter threats and challenges. The promising technologies of confrontation and the conceptual elements of the probabilistic model of their selection have been substantiated. It is based on the principle of oscillation with its mechanism for eliminating rigid structures and introducing conceptual diversity through flexible tools. In conditions of aggravated geopolitical rivalry, an adequate analysis and reaction of power structures is in demand. The development of theoretical foundations and bringing the confrontation system to a new level becomes relevant and is a novelty. In conclusion, the direction of further scientific research of various aspects of information and psychological confrontation was determined.*

Keywords: *information-psychological confrontation, threats, principles of metamodern psychology, Anglo-Saxon model, promising technologies, conceptual prerequisites, probabilistic model of technology selection, «Dog Whistle Effect».*

For quote: *Sobolnikov, V.V. [Problems of information and psychological analysis confrontations in the logic of metamodern psychology]. Professional education in the modern world, 2020, vol. 10, no. 4, pp. 4347–4358. DOI: <https://doi.org/10.20913/2618-7515-2020-4-18>*

Введение. Беспрецедентная трансформация мирового сообщества, обнажила тренд глобальных изменений, и запустила социально-психологический механизм «изменения изменений» [1]. Усиление динамики разрушительных тенденций, рост протестных настроений недовольных неолиберальной глобализацией, «четвертая волна терроризма», вирус COVID-19 и другие обострили отношения между субъектами (государствами, межгосударственными объединениями, неправительственными организациями, ТНК) в информационно-психологической сфере. Образ позднего капитализма стал воплощаться в аффективной форме отчуждения социума, его аномии, одиночества, социальной фрагментации и деструктивизации [2]. В докладе Национального совета по разведке США «Глобальные тенденции-2030: альтернативные миры», утверждается, что экономики Европы, Японии и ряда других стран, вероятно, будут приходить в упадок, а США – терять статус единственной супердержавы. Исламский экстремизм останется в прошлом, но отдельные их члены смогут совершать теракты при помощи биологического и кибероружия [3]. В контексте изложенного риск возникновения конфликтов межгосударственных и внутри стран со времен холодной войны неизмеримо возрос. Разрушительное воздействие вируса COVID-19¹ не только привело к ожесточенной борьбе внутри глобальных элит, но и положило начало ходу деглобализации. Разложение старого мира и появление фрагментов нового привело сообщество в состояние коллапса и понимания невозможности решения стратегических и тактических задач прежним инструментарием.

Потребность интерпретации новых форм социального поведения и репрезентации «осыпающегося мира» вызвала процессы переосмысления существующих концепций и формирования адекватной методологии. Итоги деятельности ведущих научных центров (США, Канады, Великобритании и т.д.) по разработке технологий противоборства в соответствии с «духом времени»² убеждают в этом [4].

¹ Кузнецов Е. Три болезни цивилизации, которые обострил коронавирус//ForbesContributor.16.04.2020. URL: <http://svop.ru/main/32669/> (дата обращения: 19.07.2020).

² Макарычев М. В Лондоне создан секретный проект для «гибридной войны с Россией»//Российская газета 30.04.2020 URL: <https://rg.ru/2020/04/30/v-londone-sozdan-sekretnyj-proekt-dlia-gibridnoj-voyny-s-rossiej.html> (дата обращения: 26.07.2020).

С очевидностью складывается устойчивая потребность проведения системного анализа нового этапа информационно-психологического противоборства.

Постановка задачи. Актуализация информационно-психологического противоборства между субъектами международного права обусловлена кардинальными переменами сущности мирового сообщества. В зарубежных концепциях (У. Бек, 2000; Э. Гидденс, 1994, 1999; Н. Луман, 1994 и др.) современная цивилизация характеризуется как общество рисков и глубоких противоречий. Кризисные проявления экономического и геополитического плана, развал СССР, например, привели Ф. Фукуяму к утверждению, что эволюция человечества завершается [5]. Взрыв «терроризма», испытание на прочность проекта «Европа» со стороны брексита, миграции и коронавируса; снижение гегемонии США; финансовые кризисы и т. д. [6, с. 63–64.] продолжили обрушение постмодернизма. Однако появление поколения миллениалов, зрелость и доступность цифровых и возобновляющих технологий обозначили предпосылки к переходу от постмодерна в новое состояние – метамодерна. Одновременно результаты развития искусственного интеллекта (ИИ), информационных технологий (I-T), биотехнологий в биологии, геномной инженерии, евгенике, нейронауках (BEGEN) проявили новые генно-биологические угрозы. Был раскрыт потенциал биогенного оружия применительно к социуму, в том числе по расовому, национальному, этническому и иным признакам [7; 14]. В этой связи, и особенно в результате влияния вируса COVID-19, проблема поддержания и усиления жизнестойкости мирового сообщества в сложившихся условиях актуализировалась. Риск новых эпидемий, депрессия, страх смерти и возможность социальной дезинтеграции, с одной стороны, повлекли за собой трансформацию структуры социума, психологического статуса и поведения населения, а с другой – не сгладили, но многократно усилили степень межсубъектного противоборства. Осознание угроз, понимание необходимости выхода на новый уровень и нереальности этого прежними средствами обусловили перспективность разработки информационно-психологических технологий с гибридной фрагментацией [6–8; 14–17; 27]. При этом стало важным понимание приведения его потенциала в соответствие с уровнем угроз и стратегических реакций в масштабе реального времени. В условиях метамодерна [6] остро обозначилась проблема отбора перспективных технологий в систему информационно-психологического противоборства, адекватно целям. Обоснование такой перспективы связано с осмыслением нового образа мира в его разнообразии и крайней неопределенности и потребностью генерирования теории противоборства на основе методологии метамодерна. Значительный рост угроз общественной безопасности России [3; 4; 8; 14] в первой четверти XXI в. актуализирует выделенные проблемы и основания их проработки, определяя новизну научного знания.

Методология и методика исследования построена на системно-деятельностном подходе и принципах метамодерна и метамодернистской психологии: виртуальность, интерактивность, дигитальность и осцилляция. Сопреженная деятельность в рамках информационно-психологического противоборства, включающая коммуникативные процессы, является единым генетическим основанием, для развертывания активного противоборства. Оценка потенциала ИИ, алгоритмов, схожих с человеческим сознанием и осознание человека как генератора развития информационно-психологических технологий способствуют методологическому обоснованию феномена противоборства. Исследование проводилось с помощью общенаучного метода познания, включающего теоретико-методологический анализ литературных источников, обобщение, анализ, сравнение, и систематизацию полученных эмпирических и теоретических данных. Использовались также методы дискурсивного и сравнительного анализа, а при интерпретации парадигмальных текстов – приемы герменевтики. В необходимых случаях применялись методы метамодернистской и политической психологии. Целью данной работы явилось теоретическое обоснование феномена информационно-психологического противоборства в логике метамодерна на основе методологии и принципов метамодернистской психологии, а также определение концептуальных элементов вероятностной модели отбора технологий.

1. Информационно-психологическое противоборство как феномен:

понятие, методология и средства

Феноменология информационно-психологического противоборства и потребность в новых технологиях актуализируют проблему разработки перспективных средств. Дефиницию «информационно-психологическое противоборство» достаточно сложно отнести к системе общих терминов классической (по Гуссерлю и Мерло-Понти) феноменологии. Однако учитывая все возрастающую ее значимость при достижении широкого круга разноплановых целей, психологический анализ в условиях метамодерна становится востребованным. Информационно-психологическое противоборство как основа взаимоотношений субъектов геополитической конкуренции остается средством обеспечения мирового баланса и национальных интересов субъектов. По этой причине транснациональные и мозговые центры США, работая исключительно на американские интересы, кладут в ее основу идею обеспечения

информационного, психологического и иного превосходства США [9–11; 14; 17]. Впервые термин «информационно-психологическое противоборство» был озвучен в директиве Министерства обороны США DOD-S-3600.1 (1992). Спустя четыре года в докладе корпорации «Рэнд» MR-661-OSD (Stratégie Information Warfare. A newfaceofWar) понятие обрело должную конкретизацию. В результате противоборство как дефиниция было введено в научный и специальный оборот США и стран НАТО [10]. При этом необходимо учитывать особенность перевода фразеологизма «информационно-психологическая война» (англ. «information and psychological warfare») на русский язык. Так, при переводе феномена раскрываются два его значения: «информационно-психологическая война» и «информационно-психологическое противоборство». Следовательно, мотивация применения терминов «война» и «противоборство» при сохранении общей формы обеспечивает смысловую нагрузку в рамках должного контекста исходя из цели.

Изучение психологической природы информационно-психологического противоборства [9–13; 15–16] показывает, что фрагментарно данное понятие просматривается в ряде близких ему по сути терминов. Так, в научной и специальной литературе контуры противоборства обнаруживаются в информационных, нетрадиционных, гибридных, сетевых, информационно-коммуникационных, концентрических, когнитивных, сегментных, смысловых, диффузных и других войнах. Не вдаваясь в глубокий анализ, следует признать, что данный перечень терминов, в сочетании со словом «война» раскрывающих сложные явления, отражает крайнюю форму отношений. Так, при усилении военного аспекта деятельности в этом случае, очевидно, психологическая, информационная и ряд других составляющих приглушены. Изучение социальной практики и имеющейся литературы [9–14; 22; 24; 31] убеждает, что такое соотношение, оставаясь не до конца осмысленным, может стать предметом самостоятельного исследования. Более того, феномен «информационно-психологическое противоборство» с очевидностью может быть встроен в качестве структурной компоненты в систему, например, информационной, смысловой и другой войны. Вместе с тем противоборство, вероятно, обладая структурой, институционализировано и может играть самостоятельную роль. Диалектика данного феномена раскрывается в вероятностных вариантах оперативного изменения, умения транслировать свои связи с материальным миром. Более того, видоизменяясь, достаточно быстро и легко противоборство может трансформироваться под новые цели, задачи, функции и технологии.

Исторический дискурс целевого использования США информационно-психологического противоборства в рамках информационных войн – GW [8; 10–15; 17; 30–31] раскрывает сущность данного феномена. Так, если в первом поколении (1. GW) цель извлекалась в пределах от дезинтеграции систем управления до стратегического информационного противоборства, то 2. GW ориентирована на реализацию скоординированных информационных операций при невозможности применения силы. В 3. GW целью стало изменение поведения противника на основе сочетания высокоточного удара с проведением информационных операций. При 4. GW целью воздействия явилось лишение противника воли к сопротивлению при исключении силового воздействия. Предполагался не силовой развал государства, но его нравственное разрушение, дискредитация руководства и навязывание социуму нежелания вести борьбу. Не исключалась возможность достижения целей и использования технологий предыдущих уровней. В последнее время обнаруживается высокий уровень вероятности разработки новых технологий и поэтапного перехода на пятый уровень (5. GW). Более того, просматриваются факты управляемой утечки продуктов исследований и реальной «обкатки» биогенных и иных технологий. Бывший эксперт ООН по бактериологическому оружию И. Никулин заявил, что коронавирус был создан в США в 2015 г. в секретной лаборатории Пентагона – армейском НИИ Уолтера Рида в Форте Детрик³.

Анализ имеющейся литературы [10–13; 17; 30–31] позволяет выделить наиболее значимые подходы к определению дефиниции «информационно-психологическое противоборство». Так, ряд авторов раскрывает этот феномен как «соперничество социальных систем в информационно-психологической сфере по поводу влияния на те, или иные сферы социальных отношений и установления контроля над источниками стратегических ресурсов, в результате которого одни участники соперничества получают преимущества, необходимые для дальнейшего развития, а иные их утрачивают» [11, с. 275]. Другие – воспринимают как информационное пространство, общественное и индивидуальное сознание людей в интересах достижения превосходства над противостоящей стороной [12, с. 28–30]. При этом некоторые настаивают на придании информационному противодействию наступательного (оборонительного) характера [15, с. 39–40]. Имеют также место подходы, где под противоборством понимается «борьба в информационной сфере, в виде комплексно-деструктивного воздействия на информацию, информационные системы и информационную инфраструктуру противоборствующей стороны с одно-

³ Цоц Е. Кто истинный виновник пандемии коронавируса? 2020. 20 марта. URL: <https://regnum.ru/news/society/2890942.html> (дата обращения: 22.07.2020).

временной защитой своей информации, информационных систем и информационной инфраструктуры от подобного воздействия» [16].

Обнаруживаются и иные близкие тому подходы к пониманию данного феномена [13; 14], однако в психологии категория «противоборство» между субъектами понимается не только как отсутствие между ними согласия, но и как управление полярными мотивами: идеалами, убеждениями, целями, интересами, потребностями. Поэтому с учетом морально-психологических и других факторов, особенностей психики, привычек и т. д. исследователи допускают совершение «обманных» действий в целях организации рефлексивного управления [17, с. 29–30]. Открывается возможность «загоризонтного» видения и перехода к модели предвосхищения действий противника, рефлексивного его управления и программирования посредством проведения взаимоувязанных между собой мероприятий сообразно целям, месту и времени. Неслучайно противоборство в широком смысле воспринимается как процесс, «отражающий различные уровни противодействия конфликтующих сторон, осуществляемого информационными и психологическими средствами для достижения политических и военных целей» [13, с. 7–31]. При этом исследователи акцентируют внимание на «усилении влияния на социальные отношения как цели извлечения преимуществ» [14]. Некоторые из их числа выступают против расширительных трактовок исследуемого феномена, справедливо полагая, что это приводит его к девальвации и утрате значения. Поэтому определяющим является психологическое восприятие смысла информационно-психологического воздействия как целенаправленного производства и продвижения специально подготовленной информации, оказывающей непосредственное влияние (негативное, позитивное, нейтральное и т. д.) на объект воздействия. Вместе с тем, предлагаемые подходы, отражая отдельные стороны исследуемого феномена, не в полной мере учитывают новые условия [9; 12]. Возможно использование более, на наш взгляд, адекватного варианта понятия «*информационно-психологическое противоборство*» как формы организации скрытого межсубъектного противоборства, предполагающего системно-комплексное информационно-психологическое и гибридное воздействие в целях рефлексивного управления и достижения превосходства в различных сферах жизнедеятельности. В целом такой подход раскрывает концептуальное видение укорененного в международной практике исследуемого феномена с наличием сложной и динамичной структуры. Будучи интегратором и каждый раз облекаясь в новую форму, феномен «информационно-психологическое противоборство» проявляется в ином качестве, адаптируясь к условиям адекватно цели. Складывающийся подход позволяет отразить новизну и использовать рабочий термин в рамках новой методологии с последующей перспективой его модификации.

Выразителем нового тренда «стал метамодернизм (англ. *metamodernism*), рассматриваемый в качестве эпистемологии, как ответ на вызовы всей сложности и разнообразия современного мира» [18, с. 327–340]. Раскрывая инновационно-смысловой потенциал метамодернизма, Р. Ванн ден Аккер и Т. Вермюлен на основе изменений в культуре и обществе обосновали элементы новой методологии видения мира. «Метамодернизм, полагают они, раздвигает границы настоящего за пределы «бесперспективного» будущего; и перебрасывает границы знакомых мест за пределы беспредельного» [19, р. 7–8]. Наличие глубоких противоречий, возникших между модерном и постмодерном, привело к расшатыванию основы последнего и глобализации рисков. Трансформационные процессы в мире привели к значительным изменениям в обществе, культуре, субъективности людей, их психике и поведении. При этом резко повысилась сопротивляемость масс нововведениям и доминирующим стратегиям выживания [20], что обусловило трансформацию повседневности и поиск новой парадигмы. По мнению Корбина, «метамодернизм должен интегрировать в себя лучшее, открывая дискурс позитивного развития будущего путем совершения возвратно-поступательных движений между модерном и постмодерном» [21]. Концептуальные положения метамодернизма могут быть положены в основу метамодернистской психологии, где психологические феномены видятся сквозь призму принципов виртуальности, интерактивности, дигитальности, осцилляции, приоритета ценностей самовыражения. Они представлены в разных концепциях, их осмысление в качестве методологической основы [1; 6; 21–23] становится перспективным. Анализ имеющейся литературы [1; 2; 6–11; 17; 18; 28] позволяет сформулировать ряд методологических предпосылок обоснования исследуемой нами проблемы:

1. Культурную и философскую основу метамодернистской психологии составляет метамодернизм, раскрывающий эмоционально-чувственную реакцию на постмодернизм и культурную логику последней стадии капитализма, получившей свое развитие через системный анализ доминирующих тенденций в международном сообществе и культуре. В их числе значимое место может быть отведено информационно-психологическому противоборству как средству влияния и управления. Психология метамодерна [18; 20; 23] является потенциальной основой переоценки существующих психологических теорий, трансформации технологий в контексте раскрываемого их вероятностного потенциала, расширения функций и границ, формирования новых смыслов и т. д.

2. Метамодернистская психология [18; 23] раскрывает радикальную трансформацию картины мира и будущего под влиянием глобальных конфликтов, цифровизации, информационно-коммуникативных процессов, пандемий и т. д., содержащих опасности, представляющих угрозу для мирового сообщества. Мировосприятие человека и его отношение к миру будет обусловлено интернет-пространством, постоянным колебанием в рамках реального и виртуального. Усилится возможность одновременного анализа множества позиций, восприятия противоположных идей, что в итоге обеспечит целостное, нелинейное осознание течения событий и явлений. Поэтому информационно-психологическое противоборство с элементами гибридности, понимаемое как перформанс (англ. performance – исполнение, представление), будет совершаться в символическом пространстве на границе повседневной жизни и внутренней реальности сообразно уникальному культурному коду нации, который во многом обуславливает выбор поведения.

3. Перформанс становится методическим инструментом информационно-психологического противоборства и получения отклика в виде культурно-психологической реакции людей на принятие (непринятие) события или явления. Такого рода реакция раскрывает смыслотехнологический потенциал перформанса и является компенсаторным ответом на постмодернистские приемы деконструкции, диатропики и рассеивания. Колеблясь между модернистским стремлением к смыслу и постмодернистским сомнением в смысле, новая психология приоткрывает горизонты и способы представления психической реальности, тем самым определяя вектор ее развития. Модификация тенденции, получившей распространение в психологии, побуждает сообщество принимать иную форму картины мира, наполнять ее новыми смыслами и значениями, открывать иные направления.

4. Осцилляция [6, с. 14–18] (колебания) между модернистским стремлением к смыслу и постмодернистским сомнением в смысле способствует раскрытию горизонтов и способов, поиску новых, в том числе «беспроблемных», моделей воздействия. В результате могут быть сформулированы подходы погружения объекта воздействия в семантическое поле мифа, формирующего смысловую диспозицию повышенной активности и ценности самоуправления. Примером тому могут служить социально-политические акции с помощью «dog»-перформансов, вероятно «открывающие» для человека пути к «освобождению и самопознанию».

5. Информационно-психологическое противоборство как активная составляющая ведения субъектами борьбы в современных условиях остается объективным компонентом [24]. Способствуя достижению устойчивого статуса, соответствующего национальным интересам, роль его значительно усилилась под влиянием вируса COVID-19. Мощная вспышка этого заболевания породила пандемию, а кризис затронул все сферы жизнедеятельности мирового сообщества. Версия об искусственном создании коронавируса усилила информационно-психологическое противоборство между США и Китаем, а также другими странами. Риск заражения обострил имеющиеся в мире проблемы, породил общественные страхи, привел к распространению новых слухов и вызвал стрессовые реакции. Глубокое эмоциональное и духовное переживание социума, психологическая ситуация с ее уникальными психологическими трудностями породили депрессию и страх⁴. Проникновение COVID-19 в глубинные структуры сообщества изменило его жизнедеятельность, превратившись в формообразующее средство социально-психологического проектирования и взаимодействия в рамках «заданных» правил. Экспертами пандемия воспринимается как предтеча вирусной войны и предпосылка создания властью системы контроля и жесткого управления массами.

Таким образом, новое видение социально-психологической реальности раскрывает особенности отношения к ней социума, перспективу формирования нового метамодернистского мировоззрения и метамодернистской психологии [22; 23; 25]. Экзистенциальная и смысловая природа человека в складывающихся условиях побуждает субъектов международного права к активному противоборству. Укоренение информационно-психологической составляющей их деятельности в вопросах продвижения смыслов и оказания воздействия, актуализирует проблему использования перспективных технологий. Поиск оснований разработки и их организации, обеспечивающих эффективность противоборства определяет направленность наших исследований.

2. Проблемы формирования перспективных технологий противоборства: психологический дискурс

Достижение информационного и иного превосходства осуществляется США, например, посредством инфильтрации смыслов в интеллектуальную сферу противной стороны, а в целом разными способами и всеми доступными средствами: «от дружбы до использования танков» [8–10; 14–13; 23–26; 30–31].

⁴ Лукьянов Ф. Перелом, которого ждали: как пандемия открыла новую эпоху//Совет по внешней и оборонной политике (СВОП).25.04.2020. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=PntcNv7yozA> (дата обращения: 25.07.2020).

Такое объединение категории влияния и технологии в единое целое повышает эффект, но при этом сохраняет перечень нерешенных задач. Поэтому проблемы формирования фрагментов модели противоборства и отбора перспективных технологий [24] в рамках психологического дискурса становятся наиболее острыми. Так, применение критического дискурс-анализа (англ. Criticaldiscourse-analysis) позволяет с помощью «механизмов интертекстуальности» исследовать выделенную форму объективации содержания феномена противоборства. Анализ позволил раскрыть процесс зарождения другого дискурса, а их комбинации выявить фрагменты психологических изменений. Поэтому психологический дискурс противоборства любого субъекта допускает выделение ряда социально-психологических явлений (менталитет, этнокультурные особенности, национальная память, духовно-психологическая система, стратегическая культура и т. д.), специфика которых раскрывается в моделях противоборства. Их анализ через призму архетипов, этнокультурных стереотипов, психологические установки и т. д. субъектов раскрывает уникальность носителей культурно-психологического кода. Понимание кода как превращенной формы социально-исторического опыта в сфере коллективного бессознательного социума представляется значимым.

Культурно-психологический код бессознателен и скрыт от полного понимания [25], но его рефлексивно неоформленные фрагменты реально существующих отношений с практикой, всплывают как отражение моделей противоборства, раскрываясь в поступках. В литературе [10–16; 30; 31] исследователями выделяются англосаксонская (США, Австралия, Канада, Великобритания), романо-германская (страны Западной и Северной Европы), восточноазиатская (Китай, Вьетнам, Япония и др.), ближневосточная (страны исламского мира) и российская модели. Наибольший интерес представляет англосаксонский подход, в основу которого в разное время были положены концепции: а) «силового» умиротворения с применением вооруженных сил и других силовых методов воздействия; б) «мягкой силы» с использованием методов ненасильственного изменения государственной власти и т. д.; в) «умной силы» посредством сочетания жесткой и мягкой силы для формирования выигрышной стратегии; г) «однополярного мира» путем поддержания миропорядка, усиления своего влияния и понижения роли других государств. При этом, если целью воздействия США, как правило, является изменение отношений, то Великобритании – трансформация поведения объекта влияния. Стремление США к абсолютному лидерству подталкивает их к глобальной мистификации (программа СОИ, «колба» К. Пауэла, высадка американцев на поверхность Луны и т. д.). В результате состоялось укоренение дезинформационной основы их деятельности, что устойчиво проявляется в процессе противоборства. Обсуждение других моделей в рамках данной статьи не представляется возможным, но каждая из них, являясь отражением деятельности субъектов, конституирует, продуцируя иной психологический дискурс. Поэтому культурно-психологический код как актуальный инструмент в системе противоборства играет важную роль, по сути, формируя новый дискурс со специфичными технологиями, политическими нормами и стандартами субъекта.

Тренд глобальных изменений привел к введению в психологическое поле исследований методологии «метамодерна» и метамодернистской психологии. Являясь междисциплинарной, по сути, методология базируется на положениях виртуальности, интерактивности, дигитальности, приоритета ценностей самовыражения и осцилляции. Перспективно ориентированные, они раскрываются во взаимосогласованной интеграции психологического знания при одновременном освобождении от застывших и жестких традиций прошлого [19]. Уточненная нами дефиниция «информационно-психологическое противоборство», модели влияния и методология метапсихологии делают возможным перейти к проблеме проработки абстрактной модели информационно-психологического противоборства и внедрению принципа осцилляции, где возвратный «маятниковый механизм» санкционирует субъектам осуществлять отбор технологий из всего арсенала противоборства времен модерна и постмодерна. В результате, психологический дискурс с очевидностью задает новое измерение информационного, психологического и иного пространства межсубъектного противоборства. Гибридизация [6, с. 151–181], будучи специфической формой взаимодействия информационно-психологических технологий с ИИ, БД, IT и т. д., в качестве связующего элемента присутствует в модели. Такая совокупность приводит к усилению воздействия в информационном, психологическом, кибер- и других пространствах, при одновременном его «камуфлировании» в физическом поле. Так, в информационном поле могут быть задействованы технологии по дискредитации базовых идеалов и исторической памяти; продвижения «новых идеалов, ценностей» и т. д. В психологическом – программы атомизированной манипулятивной личности; оперативного потенциала подсознательного восприятия; деструктивизации исторической памяти; стирания традиционных гендерной идентичности, семьи и их социальных связей; инициирования процессов этнонационализма, с наложением на религиозную идентичность и др. Одновременно, киберпространство используется для внедрения вредоносных и разведывательных программ, закладок, нанесения «ударов»

по уязвимым точкам, осуществления кибератак, применения кибертехнологий по оказанию негативного влияния на социум, подрыва экономики и т. д. Применение в противоборстве совокупности выделенных и других (например, медиа-, когнитивного и др.) пространств будет в рамках гибридизации процесса увязано с инициированием глобальных миграций, биологических и вирусных атак и т. д., позволяющих менять способ жизни и конструировать иной социум.

Важную роль в повышении потенциала средств воздействия играют научные разработки нейросети связанные с передачей функций человека ИИ [19, с. 2–10; 26, с. 279–300]; нанонейротехнологий по изменению когнитивных, эмоциональных и поведенческих функций; а также нейроинформатики и кибернейросистемы [19; 27; 31]. К средствам, усиливающим степень воздействия, следует отнести также технологии (БД), средства прогнозирования, например, проект «RecordedFuture», постановки диагноза разработки и применения геномного оружия; манипуляции и формирование поведения социальных групп на основе технологий БД и др. При этом междисциплинарный подход [26; 28] не допускает исключения заимствования понятий или теорий из смежных наук, либо их адаптацию. Методология метамодерна ориентирует на поиск технологий в бизнесе, микротаргетинге, менеджменте, политике, дипломатии и т. д. Последующая модернизация технологий под новые цели может быть эффективной при одновременной гибридизации системы межсубъектного противоборства. В целом станет востребованной концептуализация технологий не только опосредованного воздействия, но и психологического сопровождения процедуры сокрытия работы в физическом поле. При необходимости деятельность субъекта по реализации технологий может осуществляться под «чужим» флагом», путем «подставы субъекта», созданию проектов позиций в окружении противника, ведению оперативных игр и т. д. [26; 31]. Общим для перспективных технологий станет наполнение модели элементами психологического содержания и обеспечение деятельности посредством психологического сопровождения и прикрытия.

В контексте изложенного процесс противоборства в эпоху «изменения изменений» определил потребность в психологии неопределенности и разнообразия, психологии сложности, психологии виртуальной личности и т. д. [1]. В условиях перехода мирового сообщества от постмодерна к метамодерну происходит изменение теоретической модели отбора технологий с учетом специфики такого превращения. Проекция средства воздействия на этапах модерна с ориентацией на сознание и постмодерна – не только на спонтанную реакцию социума, но и рестимуляцию программ имеет существенные различия. Извлечение из психологического дискурса неосознаваемого, нерелексивного, спонтанного в виде архетипов, поведенческих программ (этнокультурные стереотипы, психологические установки и т. д.) может стать эффективным дополнением. Однако отбор технологий из арсенала средств модерна и постмодерна возможен на основе принципа осцилляции – возвратного «маятникового механизма» обеспечивающего выбор технологий из арсеналов модерна и постмодерна. Такие технологии, как нарративы, манипулятивные действия в киберпространстве, сбор психометрических данных с помощью БД, «роевой» интеллект, интернет-мемы [30; 32] и др., обладают высоким потенциалом. Но в полной степени они раскрываются в контексте современных парадигм противоборства: информационно-психологической, сегментной, когнитивной, смысловой, диффузной и др. Вероятностная их эффективность после модернизации в рамках новых идей, подходов и целей подтверждается на примере многих технологий, в том числе и политтехнологии «собачий свисток» (англ. «Dog whistle politics») [28].

Политтехнология «собачьего свистка» длительное время используется в политической жизни англоязычных стран, получив название эффекта собачьего свистка (далее по тексту – «Dog Whistle Effect») [31]. Очевидно, в условиях информационного перенасыщения определенный тип послания ориентированный на отклик представителей конкретного сегмента социальной базы гражданского общества, когда другие, оставаясь в неведении, реализуют ожидаемое инициатором поведение. Многозначность и содержательность «Dog Whistle Effect» способствует обретению им символа несущего различные значения [33]. Приобретая статус программируемой основы, технология обеспечивает воздействие новизной информации, но не новым знанием. Поэтому у социума, имеющего проблемы и затруднения, испытывающего состояния аффекта, психического диссонанса, символической кастрации, запускаются мотивационные механизмы на поведение «делай как все». Процесс осуществляется посредством знаков и символической референции в рамках трехуровневой системы [29], когда переход в сакральное обеспечивает «подключение» к внесоциальному слабоструктурированному состоянию социума. Наличие в нем системных противоречий приводит к «обнулению» по «собачьему свистку», модифицируя планируемое поведение. Проработкой данного направления активно занимается ряд лабораторий зарубежных «мозговых» центров [30] и фирм, например частная английская компания Cambridge Analytica (CA). В недрах лабораторий последней была разработана технология глубинного анализа данных, эффективность которой обнаружилась при реализации стратегических коммуникаций. В числе других привлекают внимание работы Гетеборгского университета (Швеция). В рамках проекта GRIPES, из-

учаются новые подходы к реализации менеджеральных исследований: расширение инструментария и создание междисциплинарных команд по выявлению роли АС, БД и ИИ в продвижении различных форм манипулятивного обмена сообщениями, по признаку «собачий свист». Ставится задача выявить пределы возможностей технологий и сферы их применения, перспективы трансформации под новые цели. Одновременно разрабатывается инструментарий и ведется проработка концепции «прозрачности» работы ИИ в обмене информацией. Проект GRIPES является частью программы WASP-HS, которая стремится к исследованию актуальных проблем ИИ и АС и последствий их применения для человека и социума. Целью программы является обоснование моделирования развития коммуникации со свистком при определении возможных границ и перспектив «загоризонтного» использования технологий, степени влияния на отдельные категории лиц, этнические группы, а также электорат. Работа проводится в парадигме определения степени симуляции с перспективой уточнения и обоснования высоко абстрактных симуляций при свистке. Уделяется самое серьезное внимание изучению ряда других проблем, в том числе и анализу интегральной связи ИИ с «Dog Whistle Effect».

Современный уровень развития ИИ, БД позволяет модифицированные технологии использовать, что в ряде случаев повышает риск злонамеренного применения искусственного интеллекта [26; 29; 31; 33]. Их «совмещение с психотехниками воздействия в ближайшее время приведет к созданию синтетических информационных продуктов, реализующих программы, погружения социума, например, в состояние депрессии. Затем скрытые суггестивные программы, с учетом привычек, стереотипов, психики, смогут ввести социум в запрограммированное поведение» [30, с. 126–127; 31]. Технологии со «встроенным» ИИ могут оказывать деструктивное воздействие: создавать неконтролируемый рост ИИ с ведущей их ролью; перепрофилировать коммерческие системы; порождать технологии синтеза изображения и голоса человека, целевой трансформации образов, установки и закрепления повестки дня, «отравленных данных», автоматизированного выявления в текстах эмоционально окрашенной лексики, авторов и прогноза будущего на основе анализа прошлого [26, с. 270–300]. Перечень технологий не является исчерпывающим, поскольку имеет устойчивую тенденцию к их росту при значительном увеличении степени воздействия, что убеждает в перспективности нашего подхода к формированию модели противоборства и отбора технологий применения.

Выводы. Результаты анализа фрагментов англосаксонской модели информационно-психологического противоборства и документов военно-политического руководства США убеждают, что достижение ими информационно-психологического превосходства – это главный ориентир на перспективу до 2030 г. Выход США на ведущие позиции в теории и практике средств противоборства, психологических операций, комплексного использования ИИ, IT, БД, биотехнологий в подрывных целях с очевидностью обнажил для России угрозы в информационно-психологической сфере. Риск возникновения конфликтов между субъектами права показывает скатывание мирового сообщества к новой холодной войне.

Разрабатываемый подход в рамках новой методологии позволил определить концептуальные фрагменты построения абстрактной модели отбора технологий. Уточненная нами дефиниция «*информационно-психологическое противоборство*» раскрывается как интегратор технологий, облакаемый в каждом случае в новую форму и проявляющийся в ином качестве. Достаточно сложная и динамичная структура допускает достаточно быструю адаптацию к новым условиям адекватно целям. Предлагаемый подход позволяет отразить новизну и использовать рабочий термин в рамках новой методологии с перспективой его модификации. Информационно-психологические составляющие и элементы гибридации противоборства вызывают потребность системного теоретического анализа и прикладного обобщения его содержания, выработки перспективных положений в теории информационно-психологической безопасности. Очевидно, спектр угроз окончательно не оформился и требует поиска адекватных практических мероприятий исходя из перспектив гибридации противоборства. Обеспечение национальной информационно-психологической безопасности в XXI в. требует должных усилий на международной арене по созданию предпосылок построения устойчивого и безопасного мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Mobilis in mobili: личность в эпоху перемен / под общ. ред. А. Асмолова. М.: ЯСК, 2018. 546 с.
2. Канетти Э. Масса и власть. М.: АСТ, 2019. 576 с.
3. Globaltrends 2030: Alternative Worlds is the fifth installment in the National Intelligence Council's series aimed at providing a framework for thinking about the future: december 2012. NIC 2012–001. URL: version: www.dni.gov/nic/global_trends (дата обращения: 09.05.2020).
4. Нарочницкая Н. Американские «аналитические институты». Глаза, уши и совесть Америки // Нарочницкая.ru. 07.05.04 (дата обращения: 23.05.2020).

5. Fukuyama F. A reply to my critics // *The National Interest*. 1989. № 16. P. 21–22.
6. Ванн ден Аккер Р. Метамодернизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма М.: РИПОЛклассик, 2020. 496 с.
7. Pochepstov G. The first to shoot today is cognitive «troops». URL: <https://hvylya.net/analytics/society/segodnja-pervymi-streljajut-kognitivnye-vojska.html> (дата обращения: 19.12.2019).
8. Бартош А. А. Гибридные войны будущего: прогнозирование и планирование. URL: <http://nvo> (дата обращения: 03.06.2020).
9. Воронцова Л. В., Фролов Д. Б. История и современность информационного противоборства. М.: Телном, 2006. 192 с.
10. Гриняев С. Взгляды военных экспертов США на ведение информационного противоборства // *Зарубежное военное обозрение*. 2001. № 8. С. 10–11.
11. Манойло А. В. Государственная информационная политика в особых условиях. М.: МИФИ, 2003. 388 с.
12. Абрамов В. Н., Соловьев А. В. Информационное противоборство и неправительственные организации // *Вестник Московского университета. Серия 12, Политические науки*. 2008. № 2. С. 26–35.
13. Караяни А. Г. Информационно-психологическое противоборство в современной войне: учеб. пособие. М.: Воен.ун-т, 1997. 64 с.
14. Ларина Е. С., Овчинский В. С. Мировойна. Все против всех. Новейшие концепции боевых действий англосаксов. Составление, введение, заключение М.: Кн. мир, 2015. 416 с.
15. Сергеев И. В. Информационно-психологическая война как форма эскалации межгосударственных конфликтов // *Информационные войны*. 2015. № 2. С. 38–41.
16. Махнин В. Л. О рефлексивных процессах в противоборстве боевых систем URL: pstmprint.ru/wp-content/uploads/2016/11/INFW-3-2012-6.pdf (дата обращения: 15.05.2020).
17. Попов И. М., Хамзатов М. М. Война будущего: концептуальные основы и практические выводы. Очерки стратегической мысли. М.: Кучково поле, 2016. 832 с.
18. Гусельцева М. С. Метамодернизм в психологии: новые методологические стратегии и изменения субъективности // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология*. 2018. Т. 8, вып. 4. С. 327–340. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2018.402> (дата обращения: 07.05.2020).
19. Timotheus Vermeulen and Robin van den Akker. Notes on metamodernism // *Journal of Aesthetics & Culture*. 2010. Vol. 2. P. 1–14.
20. Гусельцева М. С. Эстетическая парадигма и трансформации повседневности: методологические аспекты // *Психологические исследования*. 2018. Т. 11, № 60. URL: http://psystudy.ru/index.php/num/2018_v11n60/1598-guseltseva60.html (дата обращения: 07.05.2018).
21. Corbyn J. A People powered project. November 2016. URL: <https://www.youtube.com/watch?v3HJbu89etY> (дата обращения: 03.04.2020).
22. Grooll-Yaari Y. Diffused warfare. The concept of virtual mass. Haifa, 2007. 160 p.
23. Гребенюк А. А. Основы метамодернистской психологии // *Metamodern*. 2017. URL: <http://metamodernizm.ru/metamodernism-psychology/> (дата обращения: 11.05.2020).
24. Issenberg S. The victory lab. The secret science of winning campaigns. New York, 2012. 357 p.
25. Chris Forsythe, James Giordano. On the need for neurotechnology in the national intelligence and defense agenda: Scope and trajectory // *Synesis: A Journal of Science, Technology, Ethics, and Policy*, 2011 // http://www.synesisjournal.com/vol2_no2_t1/Forsythe_Giordano_2011_2_1.df25 (дата обращения: 07.05.2020).
26. Пашенцев Е. Н. Злонамеренное использование искусственного интеллекта: новые угрозы для международной информационно-психологической безопасности и пути их нейтрализации // *Государственное управление. Электронный вестник*. 2019. № 76. С. 279–300 (дата обращения: 17.07.2020).
27. Базаркина Д. Ю., Ласурия Л. Дж. Искусственный интеллект и международная информационно-психологическая безопасность: выступления российских исследователей в ЮОАР // *Государственное управление. Электронный вестник*. 2019. № 75. С. 283–299 (дата обращения: 05.06.2020).
28. Громовий В. Політика «собачого свистка» (dog-whistlepolitics). URL: <https://site.ua/viktor.gromoviy/21803/> (дата обращения: 07.06.2020).
29. Turner V. W. The ritual process: structure and anti-structure. Чикаго: Альдин Паб. Ко, 1969. 213 p.
30. Ларина Е. С., Овчинский В. С. Искусственный интеллект. Большие данные. Преступность. М.: Кн. мир, 2018. 390 с.
31. Yao K. A coded political mantra. Berkeley political review: UC Berkeley's only nonpartisan political magazine (9 ноября 2015) (дата обращения: 15.06.2019).

32. Почепцов Г. Информационные войны. Новый инструмент политики. М.: ООО «ТД Алгоритм», 2015. 256 с.
33. Haney López I. Dog whistle politics: how coded racial appeals have reinvented racism and wrecked the middle class. New York: Oxford Univ. Press, 2014. P. 4.

REFERENCES

1. Asmolov A. (ed.) *Mobilis in mobili: personality in an era of change*. M.: YaSK, 2018, 546 p. (In Russ.)
2. Canetti E. *Mass and power*. M.: AST, 2019, 576 p. (In Russ.)
3. *Global Trends 2030: a publication in the National Intelligence Council*. Dec. 2012. NIC 2012–001. 137 p. URL: www.dni.gov/nic/globaltrends (accessed 05.09.2020)
4. Narochnitskaya N. American «analytical institutions». Eyes, ears and conscience of America. *Narochnitskaya.ru*. 2004. URL: <http://narochnitskaya.com/in-archive/amerikanskije-analiticheskie-institutyi-glaza-ushi-i-sovest-ameriki.html> (accessed 23.05.2020). (In Russ.)
5. Fukuyama F. A reply to my critics. *National Interest*, 1989, no. 16, pp. 21–22.
6. Vann den Acker R. *Metamodernism. Historicity, Affect and Depth after postmodernism*. Moscow, RIPOL-classic, 2020, 496 p. (In Russ.)
7. Pocheptsov G. The first to shoot today is cognitive «troops». *Khvilya*, 2019. URL: <https://hvylya.net/analytics/society/segodnja-pervymi-streljajut-kognitivnye-vojska.html> (accessed 19.12.2019). (In Russ.)
8. Bartosh A. A. Hybrid wars of the future: forecasting and planning. *Independent military review*, 2014. URL: https://nvo.ng.ru/concepts/2014-12-19/1_war.html (accessed 03.06.2020). (In Russ.)
9. Vorontsova L. V., Frolov D. B. *History and modernity of information confrontation*. M.: Telnom, 2006, 192 p. (In Russ.)
10. Grinyaev S. Views of US military experts on the conduct of information warfare. *Foreign military review*, 2001, no. 8, pp. 10–11. (In Russ.)
11. Manoilo A. V. *State information policy in special conditions*. Moscow, MIFI, 2003, 388 p. (In Russ.)
12. Abramov V. N., Soloviev A. V. Information confrontation and non-governmental organizations. *Bulletin of Moscow University. Series 12. Political sciences*, 2008, no. 2, pp. 26–35. (In Russ.)
13. Karayani A. G. *Information and psychological confrontation in modern warfare: a tutorial*. Moscow, Military Univ., 1997, 64 p. (In Russ.)
14. Larina E. S., Ovchinsky V. S. *World War. All against all. The latest concepts of fighting the Anglo-Saxons. Compilation, introduction, conclusion*. Moscow, Kn.mir, 2015, 416 p. (In Russ.)
15. Sergeev I. V. Information – psychological war as a form of escalation of interstate conflicts. *Information wars*, 2015, no. 2, pp. 38–41. (In Russ.)
16. Makhnin V. L. On reflexive processes in the confrontation of combat systems *Informatsion nyevoiny = Information wars*, 2012, no. 3, pp. 48–58. (In Russ.)
17. Popov I. M., Khamzatov M. M. *War of the future: conceptual framework and practical conclusions. Essays on strategic thought*. Moscow, Kuchkov field, 2016, 832 p. (In Russ.)
18. Guseltseva M. S. Metamodernism in psychology: new methodological strategies and changes in subjectivity. *Bulletin of Saint Petersburg University. Psychology*, 2018, vol. 8, no. 4, pp. 327–340. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2018.402>. (In Russ.)
19. Vermeulen T., Van den Akker R. Notes on metamodernism. *Journal of Aesthetics & Culture*, 2010, vol. 2, pp. 1–14.
20. Guseltseva M. S. Aesthetic paradigm and transformation of everyday life: methodological aspects. *Psychological research*, 2018, vol. 11, no. 60. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n60/1598-guseltseva60.html> (accessed 05.07.2018). (In Russ.)
21. Corbyn J. A People powered project. *YouTube. ru*. Nov. 2016. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=3HJbu89etY> (accessed 04.03.2020).
22. Grooll-Yaari Y. *Diffused warfare. The concept of virtual mass*. Haifa, Univ. of Haifa, 2007, 160 p.
23. Grebenyuk A. A. Foundations of metamodern psychology. *Metamodern*. 2017. URL: <http://metamodernizm.ru/metamodernism-psychology/> (accessed 11.05.2020). (In Russ.)
24. Issenberg S. *The victory lab. The secret science of winning campaigns*. New York, 2012, 357 p.
25. Forsythe Ch., Giordano J. On the need for neurotechnology in the national intelligence and defense agenda: scope and trajectory. *Synesis: Journal of Science, Technology, Ethics, and Policy*, 2011. URL: http://www.synesisjournal.com/vol2_no2_t1/Forsythe_Giordano_2011_2_1.pdf (accessed 7.05.2020).
26. Pashentsev E. N. Malicious use of artificial intelligence: new threats for international information and psychological security and ways to neutralize them. *State Administration*, 2019, no. 76, pp. 279–300. (In Russ.)

27. Bazarkina D. Yu., Lasuria L. J. Artificial intelligence and international information and psychological security: presentations of Russian researchers in South Africa. *State Administration*, 2019, no. 75, pp. 283–299. (In Russ.)
28. Gromovii V. Policy of the «dog-whistle» (dog-whistle politics). *Site.ua*. URL: <https://site.ua/viktor.gromoviy/21803/> (accessed 07.06.2020).
29. Turner V. W. *The ritual process: structure and anti-structure*. Chicago, Aldin Publ., 1969, 213 p.
30. Larina E. S., Ovchinsky V. S. *Artificial intelligence. Big data. Crime*. Moscow, Kn.mir, 2018, 390 p. (In Russ.)
31. Yao K. A coded political mantra. *Berkeley Political Review: UC Berkeley's Only Nonpartisan Political Magazine*. Nov. 2015. URL: <https://bpr.berkeley.edu/2015/11/09/a-coded-political-mantra/> (accessed 15.06.2019).
32. Pocheptsov G. *Information wars. Policy new tool*. M.: LLC «Algorithm», 2015, 256 p. (In Russ.)
33. Haney López, I. *Dog whistle politics: how coded racial appeals have reinvented racism and wrecked the middle class*. New York, Oxford Univ. Press, 2014, 204 p.

Информация об авторе

Собольников Валерий Васильевич – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры общей психологии и истории психологии, Новосибирский государственный педагогический университет; профессор кафедры ЮНЕСКО, Новосибирский государственный университет; вице-президент Академии полярной медицины и экстремальной экологии человека (Российская Федерация, 630 060, Новосибирск, ул. Вилуйская, 28, e-mail: vsobolnikovis@gmail.com).

Статья поступила в редакцию 19.08.20

После доработки 28.09.20

Принята к публикации 07.10.20

Information about the author

Valeriy V. Sobolnikov – Doctor of Psychology, Professor, Department of General Psychology and History of Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University; professor of the UNESCO Chair, Novosibirsk State University; Vice-President of the Academy of Polar Medicine and Extreme Human Ecology (28 Vilyuiskaya Str., Novosibirsk, 630 060, Russian Federation, e-mail: vsobolnikovis@gmail.com).

The paper was submitted 19.08.20

Received after reworking 28.09.20

Accepted for publication 07.10.20